

Еще о правде жизни

◇
Б. ЮРИКОВ
◇

5. Есть писатели, которые охотно демонстрируют широту исторического мышления: в книгах их вы найдете и исторические экскурсы, и цитаты из классиков, и монологи, составленные по всем правилам риторики и свидетельствующие о высокой образованности не только автора, но и его действующих лиц. Только правды поступков, естественности мыслей и чувств в таких книгах найти нельзя. Нет, избави бог от такой широты!

Жизнь поставила советского человека на передний край борьбы за судьбы всего человечества, за счастье народов. Жизнь и борьба народных масс неслыханно развились и обогатились, шире стал мир практической деятельности, раздвинулся и духовный мир героев.

Этот рост сознания миллионов отражен в «Молодой гвардии», где в образах людей молодого поколения, смелых, убежденных, самоотверженных, выражены лучшие черты народа, и в фронтовых повестях Б. Горбатова, и в «Счастье» П. Павленко, и в «Василии Теркине» А. Твардовского.

Одна из самых больших заслуг М. Шолохова состоит в том, что он сумел со всей силой правдивости, естественности показать высокую сознательность, государственный разум рядовых труженников советского общества. Давыдов, Нагульнов, Разметнов, Майданников и другие герои «Поднятой целины» — люди без большого образования и гладкие слова бросать не мастера. Но они всем сердцем, всем существом понимают, что на их плечи возложена ответственность за великое, всемирно-историческое дело. Это относится не только к Давыдову, в котором мысль о народе, о посланном его в деревню рабочем классе удесятывает силы. Это относится к Разметнову и Нагульнову, о которых в критике иногда говорят только как о носителях уклонов и заблуждений, хотя прежде всего это — честные и чистые люди, преданные народу коммунисты, к которым зрелость приходит в ходе жестокой борьбы. Это — сильные, яркие характеры людей, которые свою деятельность в Гремяченском колхозе связывают с широчайшими задачами борьбы за коммунизм. Шолохов показал, какой идейной и нравственной высоты достигли рядовые строители новой жизни, участники исторического переворота, равного по своему значению Октябрьской революции.

А какой высокой героикой, пронизывающей обыденную солдатскую жизнь, дышит «Василий Теркин» А. Твардовского!

Окончание. Начало см. в № 101 от 25 августа.

Кто не запомнил простые слова: смертный бой не ради славы, ради жизни на земле! Без громких фраз, с берущей за душу сердечностью поэт показал, как стал законом поведения для бойца патриотический долг, как ведет сквозь огонь и лишения войны святое слово: Родина.

И дождался, слышит Теркин:
— Взвод! За Родину! Вперед!..

И хотя слова он эти,
Клич у смерти на краю,
Сотни раз читал в газете
И не раз слышал в бою,
В душу вновь они вступали
С одинаково той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой,
С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведет,
Что за все ответ священный
На себя уже берет.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

Советская литература показывает, как социализм поднимает, **возвышает** человека. Наша литература, как и прогрессивная литература Запада, активно борется с тенденцией **принижения** человека, изображения его как существа слабого, примитивного. Всемирно-историческая роль советской литературы состоит в том, что она изображает человека как **хозяина жизни**. Весь опыт советской литературы, опыт талантливейших ее мастеров свидетельствует, насколько натуралистическая ограниченность, бескрылое описание по-своейственно се природе.

На Втором всесоюзном съезде писателей Илья Эренбург говорил: «...по отношению к Пановой, впрочем, как и ко мне, за последнее время некоторые критики применяют термин «объективизм». Такие обвинения вряд ли допустимы. Идет великая битва за будущее нашего народа и всего человечества. Книга — это сердце писателя, и не отделить автора от его произведения. Можно ли, отдавая должное работе писателя, противопоставлять ей одну из его книг, уверяя, будто он в этой книге отрицает то, что он защищает всей своей жизнью? Можно ли людей, находящихся в боевых рядах, сражающихся за общее дело, причислять к равнодушным обозревателям жизни?».

И. Эренбург совершенно прав, указывая, что объективизм по самой своей сущ-

ности чужд лучшим традициям нашей литературы. Но мы не хотели бы, чтоб из этих слов писателя делали вывод, что вообще объективистские тенденции не могут проявиться в творчестве того или иного советского писателя.

Самые талантливые писатели, как известно, создают произведения разного достоинства, разной глубины проникновения в явления действительности. Едва ли не самую сложную задачу представляет изображение нового, передового: здесь недостаток проникновенной чуткости к жизни, робость и нерешительность художника, неясность взгляда часто еще мешают создать полноценное произведение.

Материализм, глубоко и последовательно исследуя общественные явления, отчетливо вскрывает противоборствующие тенденции и тем самым определяет свою точку зрения. Ленин учил видеть всю сложность общественных противоречий и определять ту общественную силу, которая движет вперед общественное развитие. Если не раскрыта сила нового — значит не показана ведущая тенденция развития.

Объективизм связывает художника, мешает ему видеть силу нового во всем значении и размахе. Объективизм пытается стать якобы выше «пристрастного» подхода к явлениям, а на самом деле это узенький, поверхностный подход без учета респондентской исторической тенденции.

Литература призвана охватить всю жизнь народа, разные его пласты, стать энциклопедией нашей жизни. Но можно ли показать характер и цели нашей борьбы без яркого и широкого показа передовых сил, передовых людей, тех, чья самоотверженная деятельность вдохновляет и служит примером, в частности для тех, кто только поднимается к сознательности, для людей отсталых, которые еще есть в нашем обществе? А ведь произведения писателей, которые критиковала литературная общественность, прежде всего не хватало яркого и полноценного изображения передовых сил, передовых людей. Раскрыть правду — значит не только запечатлеть разные стороны жизни, но и показать новое, передовое, как ведущую силу развития, раскрыть и трудности его развития в борьбе с силами старого и необоримую его силу.

6. О чем бы ни писал литератор, ему не пристало просто бытописать. Он выносит приговор явлению. Возвратимся еще к Виктору Некрасову. Он рассказал нам историю Шуры, изменив-

шей своей любви. Почему она оказалась с Фелей, растоптав любовь Николая? Она ничего не могла с собой поделать, она больше всего боялась одиночества... Некрасов бросает бесстрастно: «И случилось то, что не могло не случиться: когда двое молодых людей живут под одной крышей».

Шура защищалась от жизни, как нравственно слабый человек. Но писатель объявляет вообще неизбежным то, что на деле объяснялось слабостью и пассивностью шуриной души. Нет, здесь не нужно было морализировать — не в нравоучениях, а в ясном взгляде на явления жизни нуждается читатель. За несколько месяцев женщина сменила трех мужчин, и не в традициях русской литературы так неопределенно относится к моральной неразборчивости, к пассивности, к отсутствию женской, человеческой гордости.

Мы говорили о статье В. Лукашевича, хочется обратиться и к его рассказу «Хозяйка», который заставляет задуматься о важных вещах. Это рассказ на большую тему: о советской семье, о том, как нелегко сложить семью, построить ее надолго, навсегда. Сходятся для совместной жизни молодые колхозники Валентин и Клавдия, люди разные, не похожие друг на друга. Сначала живая, рассудительная Клавдия, «маленькая белобрысая девчонка» командует большим и сильным Валентином; она советует ему пойти в трактористы, поддерживает его в стремлении учиться... Но оказывается, что Валентин и Клавдия в одном и том же видят разные вещи. Клавдия в учебе мужа видит одно: Валентин будет больше зарабатывать. А перед Валентином открываются новые миры: он увлеченно изучает технику, с творческим азартом постигает законы агрономии. Из него растет толковый, думающий колхозный вожак, а рассудок Клавдии оказывается мелким, узким и ограниченным.

Хозяйка перестает себя чувствовать хозяйкой; семейный конфликт возникает потому, что «стороны» меняются местами и Клавдия вынуждена уступить первое место, подчиниться более широкому и ясному взгляду мужа. Картина осложняется еще тем, что некая Шурка Озорнова напештывает Клавдии о мнимой измене Валентина, а сама Клавдия уступает приставаниям приезжего ветеринара.

Недавно Ф. В. Гладков писал о слабых звеньях в культуре быта, о неполадках в нашем общежитии, о том, как эгоизм и невоспитанность проявляются в грубости, неуважении к окружающим, толкотне на улице, невключенном репродукторе и т. д. За этими «мелочами» быта стоят большие вопросы воспитания, идейного и нравственного развития наших людей.

Нечуткость, черствость, равнодушие к окружающим — эти черты мещанского поведения еще бытуют у нас. Какой-нибудь Шурка Озорновой ничего не стоило пустить грязную сплотно, отравить молодую душу ядом сомнения, но кто она такая и что за ней стоит? Приезжий ветеринар бросается к Клавдии, использует ее минутную слабость; кто он такой, этот командировочный жеребчик? В момент тяжелой ломки взаимоотношений эта история еще больше осложнила всю жизнь; эгоизм и пошлость вторглись в жизнь молодой четы, угрожая загрязнить и сломить ее. Бесстрастно рассказывает Лукашевич о большом несчастье, обрушившемся на молодую семью. Мы помним, как умели Толстой и Чехов, каждый по-своему, заклеймить бессердечную и бесцеремонную пошлость...

Выступая за внимательность, за чуткость и отзывчивость в отношениях людей, нельзя без гнева говорить о вредном, о злобной пошлости, о жеребчьей похоти, о всем том большом и малом эгоизме, которое осталось от старого и от которого так часто страдают люди. Рассказ В. Лукашевича мог бы быть значительно острее, глубже, если бы писатель преодолел созерцательный тон и отчетливее показал, ареной какой напряженной борьбы со старым является повседневный быт.

«Счастье начинается с ненависти к несчастью», — писал М. Горький, — с физиологической безразличности ко всему, что искажает, уродует человека...».

А мы нередко встречаем спокойный, бесстрастный тон, где ждешь встретить не навязчивое, но тем не менее ясное отношение к явлению... Мы часто говорим о темпераменте писателя, но темперамент — не просто свойство эмоциональности, это прежде всего яркость, напряженность отношения к жизни.

Разве не грешит, скажем, А. Арбузов неопределенностью взгляда на своего Ведерникова, каким-то извиняющим отношением к его заблуждениям? В журнале «Нева» мы читали рассказ Э. Офина «Посторонние люди». Тракторист Сергей Бабуриш получил премию, а плотник Иван Филин — любитель выпить за чужой счет — подговаривает его «обмыть» премию. Молодой паренек, желающий показать, что он уже взрослый, попадает на удочку, угощает всех оказавшихся в чайной, и скоро сам, опьянев, плюхается за столик, засыпает. Посетители чайной принимают угощение, пьют, кто охотно, кто не умея отказать, — в сущности, потворствуют Филину, спавшему пареню. Потом проезжий шофер бросает гневные слова в адрес Филина, прочие посетители чайной соображают, что вышло нехорошо, — паренек на угощение пустил всю

премию, — и собирают пущенные парнем на ветер деньги. Даже мальчуган, от лица которого идет повествование, возвращает плитку шоколада, сунутую ему в руку захламленным трактористом.

Эта нехитрая бытовая зарисовка очень испорчена сладенькой копновкой. Протрезвавшему трактористу возвращают деньги, он благодарит буфетчицу, а та отвечает:

— Не меня — людей благодарить надо.

— Да вы хоть скажите, Клавдия Ивановна, что это были за люди?

— А почему я знаю? — мало разве кто сюда заходит... Так, посторонние люди...

Если ты не воспользовался доверчивой простотой и неопытностью юноши, так уже заслуживаешь сентенции: «Так настоящие мужчины поступают». Посетители чайной поступили некрасиво, потом заговорила хозяйка, который стоит, конечно, отметить добрым словом, автор пишет так, как пишут у нас о спасении ребят из горящего дома.

Неясность, спутанность критериев окупают и в повести М. Пархомова «Судьба товарища», напечатанной в «Октябре». Константин Одинцов, молодой техник-строитель, пускается на скверные комбинации, жульничает в отчетах, некрасиво ведет себя в отношении к девушкам. Одинцов воевал, был смелым и преданным солдатом, а в мирной жизни его опутала всякая шушера, и он стал опускаться со ступеньки на ступеньку.

В повести есть живые штрихи, и самые достоверные из них — это характеристики жуликов и очковтирателей. Отношение же автора и героев к Одинцову довольно благодушное. Требовательность к человеку становится фразой, а забота о человеке оборачивается нравственной неразборчивостью.

Подобное отношение П. Павленко называл «застенчивостью автора в политической характеристике своих героев».

Чем глубже погружается писатель в жизнь, в сложный мир мыслей и чувств, чем больше сталкивается с реальными противоречиями, тем необходимое ясная, отчетливая партийная точка зрения. Нечеткость взглядов, неясность позиций автора приводят к тому, что передовое изображается тусклым и серым, грань между новым и старым стирается, а книга становится не учебником жизни, а каким-то спутанным и бесформенным изображением.

Говоря о взгляде автора, мы имеем в виду не наиздания и комментарии, а ту логику образов и явлений, логику развития

(Окончание на 4-й стр.)